

— Ишь ты! — раздался насмешливый голос, пропитанный неприкрытым презрением. — Ты ей завидуешь? Тому, что девчонка удачливее тебя, или что она попросту красивее?

Янь Ели вскинула голову. На втором этаже чайной, взирая на неё с ледяным безразличием, сидел Лун Юй. Одетый в лунно-белые шелка, он плавно соскользнул вниз. В его фиолетовых глазах застыла такая стужа, что дна было не разглядеть — древний лед, сковавший неведомые тайны. Она видела подобные взгляды прежде, но никогда — такой глубины. Даже у Суй Инь взор не был столь пугающе бездонным.

Для неё этот холод означал лишь одно: перед ней изысканное, редкое лакомство.

— А я и не знала, что в город Юйлин пожаловала столь важная птица!

Солнце клонилось к закату, окрашивая мир в сумеречные тона. Янь Ели направилась к Лун Юю, не отрывая жадного взгляда от его лица.

— О чём думает молодой господин? Что он видит? Куда ушёл тот, кто вас любил?

Стоило ей заговорить, как из её обители, терема Яньчжи-лоу, потянулись струи густого дыма. Казалось, там воскурили сотни благовоний, но воздух оставался стерильно чистым — ни единого запаха. Туман сгущался, застилая взор Лун Юя, стирая очертания реальности. Лишь голос Янь Ели продолжал звучать у самого уха, вкрадчивый и ядовитый:

— Он больше не любит тебя?

— Он забыл тебя?

— Или он тебя предал?

— Сколько ты ещё помнишь?..

Дым рассеялся. Перед глазами Лун Юя выросло величественное, пышно убранное здание. Шаг за шагом он входил внутрь. Там царило веселье: лилась музыка, порхали танцовщицы, раздавался смех, но он оставался глух ко всему. Здесь всё казалось до боли знакомым. Лун Юй слегка нахмурился. Кто-то проходил мимо и протянул руку, желая разгладить морщинку у него на лбу, но он резко отшатнулся.

Собеседник лишь тяжело вздохнул:

— Чжэнь-эр, если не ради себя, то ради ребёнка ты должен держаться.

«Ребёнок?»

Рука Лун Юя непроизвольно легла на живот. Он ощутил там едва заметную выпуклость.

Ну конечно. Он носил дитя. Дитя того человека. А сам тот человек... он ведь... умер.

— Сяо Чжу-цзы! Великий Демон хочет видеть тебя! — чьи-то руки вцепились в его плечи. Перед глазами возникли кошачьи зрачки Ли Ся. — Ну так что, примешь его или нет?

— Я никогда не любил его, и ребёнок не от него. Какая разница — видеть или нет? — голос Лун Юя звучал отстранённо. Он протянул руку и погладил Ли Ся по мягким, пушистым ушкам.

— Но ты ведь когда-то так сильно... искушал Великого Демона! — Ли Ся озадаченно склонил голову.

— Просто мне было слишком одиноко, — Лун Юй покачал головой. — Если бы я любил его, я бы не отпустил. Но я люблю отца своего ребёнка.

Асура не может зачать, если нет любви. Видимо, он и сам не осознавал, насколько дорог ему был тот человек.

Внезапно Лун Юй поднял взгляд. По лестнице спускался мужчина в чёрных одеждах, с иссиня-чёрными волосами. Лун Юй потянулся к нему, но его руку грубо оттолкнули. Встретившись с холодным, чужим взглядом, он всё понял. Тот забыл его. Или всё, что между ними было — лишь затянувшийся сон. И теперь пришло время проснуться.

Сердце сжалось так сильно, что на глаза навернулись слёзы. Горечь захлестнула разум. Он беспомощно смотрел, как одна за другой рвутся алые нити судьбы, связывавшие их. Узлы распутывались, пряди волос обращались в пепел и исчезали без следа.

Вся тоска любви обратилась в прах. Когда всё обратилось в пустоту, между ними не осталось ничего.

И тут он вспомнил. Это Хунлоу. Он вспомнил те времена — самые мучительные дни, страшнее, чем когда его заживо заколачивали в гроб. Это был его самый сокровенный кошмар.

Его губы тронула усмешка. Он окинул взглядом пространство сна:

— Славный кошмар. Чем глубже любовь и привязанность, тем острее боль. Задумка неплохая, но, увы... — его взор потемнел. Волосы налились густым цветом и рассыпались по плечам, белое одеяние окрасилось в иные тона: на чёрной мантии тёмно-фиолетовыми нитями проступили причудливые тотемы. — Фальшивка всегда останется фальшивкой!

Его лицо, безупречно прекрасное, хранило печать затаённой страсти, но в глубине глаз по-прежнему царил вечная мерзлота. Тонкие губы, острые, как лезвие ножа, казались алыми от крови — лик человека холодного и беспощадного. На длинных пальцах выросли острые когти, испещрённые лиловыми узорами. Он вскинул руку, и в пустоте соткалась иссиня-черная алебарда, пропитанная аурой бойни.

— Лжи никогда не одолеть истину!

Взмах оружия — и пространство с треском раскололось. Всё исчезло: и Хунлоу, и человек на лестнице.

Янь Ели схватилась за грудь, губы её окрасились кровью. Она во все глаза смотрела на Лун Юя, пытаясь что-то сказать, но из горла не вылетало ни звука. Мощь и величие этого существа давили на неё, лишая возможности дышать. Ей пришлось собрать все силы, чтобы просто не рухнуть на землю. Этот человек... он был за пределами опасен.

— А у маленькой нечисти духу не занимать, — Лун Юй хищно улыбнулся. В этой улыбке сквозило обманчивое очарование, за которым крылась смертельная угроза. Каждое волокно существа Янь Ели вопило об одном: «Беги! Немедленно беги!»

Однако добыче, на которую нацелился Асура, бежать некуда. Тем более — если на неё смотрит сам Миньхоу. Асуры рождаются прекрасными, и говорят: чем они краше, тем опаснее. Красота асуры — это его цвет. Они почитают пурпур. Фиолетовый — знак магической мощи. Чем гуще цвет волос, тем сильнее их обладатель. Тот, у кого один глаз фиолетовый, может претендовать на трон.

Лун Юй, Хозяин Лун, обладал парой фиолетовых глаз. Он был Богом среди Асур.

— Никто не способен пробудиться от этого кошмара. Как тебе это удалось? — прохрипела она. Она не верила своим глазам. На её счету были убитые Асуры — кошмар бьёт по самому сокровенному, по «сердечному демону», который есть у каждого. Она не была так сильна, как Мэнъянь, и не могла убить внутри сна, но могла заставить человека умереть от собственного безумия. А после — пожрать его ужас.

— Ха! — Лун Юй легко рассмеялся, и улыбка его стала почти тёплой. — Ты и впрямь дурочка или прикидываешься? Раз знаешь, что я Миньхоу, должна понимать, кто стоит за моей спиной.

Позади него соткался силуэт Яи. Его угольно-чёрные глаза напоминали бездонные омуты, куда не проникал ни единый луч света. На Янь Ели он смотрел как на покойницу.

— Но ты ведь любишь того человека из сна! — не унималась она. Она видела его сон, чувствовала, как сильно Лун Юй дорожил тем образом. Даже став супругом Владыки Преисподней, он не смог забыть — значит, любовь сидит слишком глубоко!

Лун Юй расхохотался:

— Какая же глупая!

Он посмотрел на неё с ещё большим презрением. В этот миг они с Яи заговорили одновременно:

— Если бы я его не любил, с чего бы мне выходить за него? Я всегда любил только его.

— Если бы он меня не любил, с чего бы ему выходить за меня? Он всегда любил только меня.

Они обменялись короткими улыбками. Её морок не имел шансов против правды.

— И что вы намерены делать? — спросила она, когда солнце окончательно скрылось. Она вдруг успокоилась. Двери её лавки распахнулись, и Чжи Ичэнь вышел наружу, встав за её спиной с тем же невозмутимым видом.

— Дай-ка подумать... — Лун Юй вальяжно откинулся назад, в объятия Яи, и привычным жестом приобнял мужа за талию, мимоходом поцеловав в щеку. — Как бы мне вас прикончить?

— Мы не трогали Преисподнюю, и вы нас не касались. К чему такие речи, Миньхоу? — подал голос Чжи Ичэнь, хотя его выплетающие пальцы дрожали от напряжения.

— Мы просто пытаемся выжить! — дерзко выкрикнула Янь Ели. — Почему мы должны умирать? В этом мире тысячи гибнут напрасно!

— Я хочу вашей смерти, и мне не нужны причины. Довольно и того, что вы осмелились перейти мне дорогу, — Лун Юй никогда не отличался излишним милосердием, и сейчас его слова звучали как приговор.

— Вы дерзнули менять чужие судьбы. Разве этого мало? — холодно добавил Яи.

— Но Мэнъянь тоже убивают в снах, меняя судьбы! Почему им позволено жить?! — негодовала Янь Ели.

— Род Лоу — это кровь Хозяина демонов. А вы — ни боги, ни демоны. Вам нет места среди Шести миров, — ответил Яи.

— Владыка шутит! Ваш Миньхоу точно так же — ни человек, ни асура! — она шла в атаку, пока Чжи Ичэнь не дернул её за руку, призывая замолчать.

— Ошибаешься, — Яи покачал головой. — Мой драгоценный супруг — получеловек-полуасура, истинный Бог Бойни. С чего бы Шести мирам отвергать его? — он усмехнулся с хитростью старого лиса.

Лун Юй закатил глаза:

— Старый пройдоха, — пробормотал он, за что тут же получил поцелуй в щеку.

— Стемнело, — Лун Юй бросил взгляд на небо. Последний луч солнца угас.

Янь Ели в панике бросилась к дверям своего терема, но те оказались наглухо заперты, как и окна. Она осталась снаружи.

— Тань! Открой! Спаси меня!

— Тань! Что ты делаешь?! Отпирай! — Чжи Ичэнь тоже потерял самообладание. Он кожей чувствовал — грядёт нечто ужасное.

Но ответом им была тишина. Вместо этого на их телах начали проступать тонкие, как волоски, лазурные нити. Стоило их концам соприкоснуться, как они намертво сплелись, стягивая двоих вместе. Они отчаянно боролись, пытались разорвать путы, но тщетно — нити опутывали их всё плотнее, скручивая в кокон. Крики постепенно затихли. Кокон сжался до размеров ладони и затвердел.

Лун Юй поманил его рукой, и сфера прилетела в его ладонь. Полупрозрачные нити застыли, словно хрусталь. Внутри, свернувшись калачиком, спал маленький зверёк — странная помесь лошади и оленя, пса и орла.

Один зверь.

Он задумчиво повертел сферу в руках:

— Ваша судьба была предрешена не потому, что мир несправедлив, а потому, что вы сами изувечили свой жизненный путь. Одному пути полагается один человек. Даже я — не исключение.

Янь Ели и Чжи Ичэнь изначально были единым целым, которое расколосось надвое. Один владел днем, другой ночью. Они нашли лазейку в законах Неба, но тем самым внесли хаос в реестры судеб.

— Такова судьба Яньчжи, — двери терема открылись. На пороге стоял Тань. — Прошу, Миньхоу, верните его мне.

— Это не довод, — отрезал Лун Юй.

— Сумрачные сны — существа двуполые. Он остался последним. От одиночества его сущность породила то, что вы видели, — спокойно пояснил Тань.

Он оберегал род Сумрачных снов слишком долго — так долго, что сам сбился со счета. Их оставалось ничтожно мало, а в конце остался лишь Яньчжи. Неизвестно, когда они начали разделяться и сходиться вновь, обращаясь в детёныша, словно рождаясь заново. Цикл повторялся: рост, деление, слияние, новое рождение. Тань знал — зверю просто было невыносимо одиноко, даже несмотря на его присутствие.

Лун Юй усмехнулся:

— Давай совершим сделку. Дай мне один лепесток Призрачного Эпифиллума, и я верну его тебе.

— Идёт, — не раздумывая, согласился Тань. Перед Лун Юем материализовался прозрачно-белый лепесток. Забрав его, Лун Юй бросил сферу Таню.

— Забирай их и уходи. Покинь это пространство, — приказал Яи.

— Хорошо, — Тань кивнул, прижал сферу к груди и мгновенно исчез.

— Любимый, нам тоже пора, — сказал Яи.

Лун Юй покачал головой:

— Подождём немного. Уйдём после свадьбы Суй Инь.

— Как скажешь, — Яи обнял его, увлекая в сторону чайной.

Лун Юй обернулся и заметил на подоконнике Яньчжи-лоу маленький стеклянный флакон. Внутри плавала светящаяся жемчужина, озаряя стекло радужными бликами. Ему она приглянулась, и он ловким движением спрятал флакон в рукав.

Будет компенсацией за испуг от кошмара!

***

В день свадьбы Суй Инь город Юйлин гудел от веселья. Сама невеста совершенно не помнила событий той ночи — для неё всё это осталось лишь смутным послеполуденным сном.

Пока город праздновал, Лун Юй был уже за сотни ли от него. Он стоял перед воротами чьего-то поместья и оглянулся на мужа. Тот ласково погладил его по голове:

— Иди. Я подожду здесь.

— Угу, — Лун Юй скрыл свое присутствие и вошёл во двор.

Сад был засажен бегониями. В эту пору им полагалось цвести, но ветви стояли голыми. В комнате с приоткрытой дверью на кушетке дремал юноша. В курильнице догорали благовония. Внезапно по комнате разлился тонкий, холодный аромат. Юноша попытался открыть глаза, но сонливость одолела его.

— Это ты?.. — пробормотал он сквозь сон.

Когда благовония истлели, юноша проснулся. Ему казалось, он видел сон, но детали ускользали. Было чувство, что кто-то приходил. Он постучал себя по лбу — надо же так крепко уснуть!

— Молодой господин! Молодой господин! Зацвели! Бегонии наконец-то зацвели! — в комнату вбежал возбуждённый слуга.

Юноша кубарем скатился с кровати:

— Зацвели?

— Да! Идите скорее!

Он выбежал во двор. Бегонии, которые не давали цвета пять лет, распустились все до единой — море изумрудных лепестков, неопишуемая красота.

— И правда... красиво, — юноша улыбнулся и на миг замер. А зачем он вообще посадил здесь столько именно изумрудных бегоний? Ах да... кажется, он очень хотел увидеть именно это чудо.

За стенами усадьбы Лун Юй взял Яи за руку.

— Пойдем домой.

— Пойдем.

Они зашагали прочь бок о бок.

Лепесток Призрачного Эпифиллума дарует забвение чувств. Порой помнить слишком много — не благо, а тяжкое бремя. Даже перейдя через реку Най и испив отвара Мэн-по, некоторые умудряются сохранить память, что несправедливо для судеб новой жизни. Особенно — когда прошлая любовь не могла иметь продолжения.

Лун Юй в последний раз оглянулся на поместье. Изумрудные бегонии пылали жизнью — так же ярко, как тот человек. Он был хорошим мужчиной, но увы...

«Ло, спасибо, что когда-то любил меня. Это всё, что я могу для тебя сделать. В этой жизни и во всех грядущих ты найдешь свою собственную судьбу».

Он обернулся к Яи и улыбнулся. Тот не стал ни о чем спрашивать, и они вместе растворились в сумерках.

У любви нет правых и виноватых, нет тех, кто полюбил раньше или позже. Есть только способность отпустить.

Жертва Ло оставила добрый след в сердце Лун Юя. Дар Лун Юя подарил Ло свободу найти свое счастье.

Между ними не было любви — лишь мимолетное касание душ, которое закончилось тихим прощанием.

«Чжэнь-эр, будь счастлив».

«Да. Я счастлив. Теперь — и ты будь счастлив тоже».

<http://bllate.org/book/17533/1701990>